

К вопросу о проблеме «трудового дезертирства» вследствие чрезвычайного характера управления в танковой промышленности Урала периода Великой Отечественной Войны⁴⁴

Запарий Василий В.
*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н.Ельцина, г.Екатеринбург*

Несмотря на общий позитивный характер опыта антикризисного управления танковой промышленностью Урала в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны, стоит отметить ряд негативных моментов, неизбежно возникающих в условиях быстро меняющейся военно-политической и экономической ситуации. В связи с постепенным характером милитаризации советской экономики, начиная с лета 1940 г. и с учетом все возрастающих объемов выпуска военной продукции, оборонная промышленность СССР оказалась не готова успешно функционировать в условиях начального периода Великой Отечественной войны.

Существовавшие до войны три основных центра танкостроения в районах Харькова-Мариуполя, Ленинграда и Московской области в течение первых пяти месяцев войны оказались под прямым ударом и поэтапно были выведены из строя. Масштабная эвакуация их мощностей в тыловые регионы страны (Поволжье, Урал, Сибирь), проведенная правительством СССР, позволила сохранить ядро танковой промышленности. Однако, несмотря на все усилия большое количество кадров, оборудования и материальных запасов было оставлено на оккупированной территории, либо расхищено и потеряно по пути. Все эти факторы осложнили процесс восстановления танковой промышленности в местах их новой дислокации.

Одной из важнейших проблем возрождавшейся из «пепла» танковой отрасли на Урале стала проблема дефицита кадров. Эта тема была впервые поднята еще в советской историографии, однако, в силу идеологических и политических установок, отсутствия

---

⁴⁴ Работа выполнена в рамках НИР по программе РГНФ №16-32-01081/16 «Инновации в системе управления отраслью в чрезвычайных условиях на примере танковой промышленности Урала в 1940-е годы».

свободного доступа к источниковой базе, классические советские работы так и не вскрыли базовых технико-экономических и социально-политических проблем и противоречий уральской военной индустрии, связанных с резким падением количественного и качественного состава рабочих. Они в большей степени сосредоточили внимание на деятельности партийных и советских органов по мобилизации трудовых ресурсов, подчеркивали трудовые подвиги преимущества социалистического строя. Вопросы развития самой танковой промышленности подробно практически не рассматривая [1, 2, 3, 6].

Между тем, эвакуированные на Урал мощности ведущих предприятий танковой промышленности и их смежников оказались не в состоянии производить свою продукцию на довоенных принципах по причине потерь основной массы квалифицированных кадров, уникального станочного парка и оборудования, а также различий в плане организации производства и технологического процесса. Если первые две проблемы были относительно успешно решены путем комплексной реконструкции производственных площадей, закупки техники за границей и административных мер по мобилизации ресурсов за счет других отраслей народного хозяйства, то нехватка квалифицированных кадров для танкостроения сохраняла свое негативное влияние на протяжении всего периода Великой Отечественной войны [4, 5].

Проблему нехватки кадров в условиях чрезвычайных условий военного времени решали путем жесткого администрирования. Это означало проведение трудовой мобилизации гражданского населения на работу в военную промышленность, маневрирование трудовыми ресурсами других отраслей народного хозяйства, вплоть до насильственного перевода на другие заводы, выселения с занимаемой жилплощади людей, не связанных с военным производством. Были введены законы военного времени, согласно которым, работники военной промышленности (в том числе и танковой) объявлялись «прикрепленными» к своим заводам не период войны, и не могли их покинуть кроме как по разрешению дирекции [8].

У рабочих и служащих предписывалось отбирать паспорта, передавая их на хранение в отдел кадров завода. Таким образом, надеялись ограничить мобильность населения. Массовая эвакуация и трудовая мобилизация привели к перенаселению основных промышленных центров Урала, создав трудности в работе коммунальной инфраструктуры и жесточайшую нехватку жилплощади. Жилищный кризис пытались разрешить путем уплотнения проживающих в городских многоквартирных домах и расселением прибывших в близлежащих к предприятиям населенных пунктах. С большим трудом и по остаточному принципу велось строительство временного жилья низкого качества (землянки и бараки, засыпные дома). В крайнем случае, для этого даже использовались нежилые помещения. Все это в полной мере говорит о тяжести сложившейся ситуации [5].

Необходимость работать на тяжелом производстве по 11 ч. в день почти без выходных, в условиях скудного питания и тяжелых жилищных условиях, способствовали физическому и духовному истощению людей. Для оптимизации рабочего времени были максимально сокращены выходные дни. График выходных дней был разработан наркоматом весной 1942 г. К примеру, у работников завода № 76 в 1942 г. было 15 выходных дней, в 1943 – 17, в 1944 – 14, и в 1945 – 35 [4, с. 308]. Выходные дни могли быть приурочены к государственным праздникам (7 ноября, 1 мая), в среднем один выходной в месяц. Из имеющихся в распоряжении документов сложно проследить логику каждого отдельного примера назначения выходных [7, с. 295]. Предприятия НКТП (Наркомат танковой промышленности) активно использовали труд рабочих в выходные дни для обслуживания подсобных хозяйств, что заметно сокращало время, отведенное на отдых.⁴⁵

---

⁴⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8798. Оп. 4. Д. 25. Л. 43.

Истощение способствовало увеличению заболеваемости, апатии, понижению мотивации к труду и его производительности, вызывало большие потери рабочего времени, на фоне постоянной «текучести кадров». В 1942 г. на предприятиях Урала наблюдалось особо неблагоприятная ситуация с невыходами рабочих по болезни. Так на заводе №183 только в течение июля и августа 1942 г. потери рабочего времени по болезни составили 100 тыс. рабочих дней. Основными видами болезни являлись авитаминоз и грипп. До конца войны самой массовой причиной невыхода на работу стала болезнь (7,3% в 1943 г., 6,5% в 1944 г.). Наряду с большим количеством действительно заболевших рабочих, на некоторых заводах, вследствие ослабления контроля профсоюзных организаций над выдачей больничных листов и проверкой больных на дому, выявилось большое количество случаев симуляции болезни. Проведенная с 14 по 29 сентября 1942 г. на ЧКЗ проверка показала, что из 1091 чел., имевших больничные, 445 чел. (40,8%) оказались здоровыми. Эти документы были выданы им необоснованно. В чугунолитейном цехе этого завода из 115 больных с постельным режимом только 54 (39,1%) точно указали свои домашние адреса, остальные заведомо дали ложные адреса.⁴⁶

Высокая заболеваемость и истощение усугублялись отставанием жилищного строительства и низким качеством жилья. На тот момент в Нижнем Тагиле в землянках проживало свыше 7 тыс. рабочих. Большинство землянок были построены на болотистой почве и часто затапливались грунтовыми водами. Строительство необходимого жилья недопустимо отставало. За 9 мес. 1942 г. по НКТП было введено в эксплуатацию только 133 тыс. кв. м. жилплощади из 196 тыс. запланированных, т.е. 67,8%.⁴⁷

Неудовлетворительное выполнение плана по жилищному строительству являлось следствием того, что материальные и людские ресурсы подрядчиков (трестов Наркомстроя), главным образом осуществлявшие жилищное строительство на заводах НКТП, были сконцентрированы на промышленных объектах. Согласно постановлению ГКО от 7 июля 1942 г. Наркомстрой должен был сдать заводу №183 к 1 ноября 1942 г. 30 бараков. Их строительство до конца 1942 г. даже не было развернуто. Распоряжением СНК СССР от 9 октября 1941 г. Наркомстрой обязан был к 7 ноября выстроить 25 бараков для ЧКЗ и завода №200. Это задание также не было выполнено. Из-за отсутствия обуви, постельных принадлежностей, большой удаленности жилья от места работы, некоторые рабочие могли по нескольку дней подряд жить и спать прямо в цехах своих заводов.

Еще одной причиной больших потерь рабочего времени, помимо заболеваемости, стали прогулы и самовольный уход с работы. Если число лиц, самовольно ушедших с работы по НКТП в мае 1942 г. составило 849 чел., в июне – 973 чел., в июле – 1826 чел., в августе – 1668 чел., а в сентябре – 1706 чел. Не смотря на все меры контроля и взыскания, на танковых заводах в 1942 г. наблюдалось чрезвычайно большое количество прогулов. В мае месяце в целом по наркомату количество прогулов составило 2179 чел, в июне 2214 чел., в июле 1836 чел. и в августе 3582 чел., в сентябре – 3451 чел. При этом далеко не по всем фактам нарушений трудовой дисциплины, таким как прогул, опоздание, симуляция болезни либо «дезертирство», заводились уголовные дела и наступала реальная ответственность. Так, из 3618 дел о самовольном уходе с завода, переданных ЧКЗ в прокуратуру с 1 января по 23 октября 1942 г. было осуждено лишь 894 чел., (24,7%) из них очно – 281 (7,8%) и 613 заочно (16,9%).⁴⁸ Мы видим, что процент осужденных в действительности был невелик. Имели место факты, когда одни и те же лица по 3-4 раза осуждались народным судом за нарушение трудовой дисциплины и в отношении них не принимались суровые меры взыскания, согласно законам военного времени. Так на ЧКЗ слесарь 6 разряда Кобызов С.С. 1904 г. рождения (работал с 9 августа 1938 г.) за прогулы осуждался: в 1940 г. на 6 мес.; в 1941 г. на 6 мес.; в 1942 г. на 6 мес., на 3 мес., и на 5 мес.

⁴⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 82. Оп. 2. Д. 575. Л. 10.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 575. Л. 8.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 575. Л. 12.

принудительных работ.⁴⁹ Что являлось критерием для принятия решения об осуждении или оправдании работника в каждом конкретном случае сейчас выяснить невозможно. Для этого требуется всестороннее изучение судебных дел.

Кроме того, рост прогулов и дезертирства на заводах НКТП в 1942 г. происходил главным образом за счет принятия на работу большого числа бывших красноармейцев, выпускников РУ (Ремесленное училище) и ФЗО (школа Фабрично-заводского обучения). На ЧКЗ (Челябинский Кировский завод, он же «Танкоград»), к примеру, из 73 прибывших учеников Миасского РУ, несмотря на созданные для них минимально-необходимые бытовые и производственные условия, в течение первых 8 дней дезертировало 43 чел. (58,9%). Самовольно ушедшие рабочие в большинстве своем распределялись следующим образом. По возрасту: до 18 лет – (28%); от 18 до 23 лет – (28%); от 23 до 25 лет – (7%). По производственному стажу: до 6 мес. – (57%); от 6 мес. до 1 года – (18,5%); от 1 года до 3 лет – (17,7%).⁵⁰

В 1943 г. ситуация с трудовой дисциплиной на заводах НКТП продолжала оставаться сложной. Это констатирует приказ наркома танковой промышленности СССР за №329с 26 мая 1943 г. «Об улучшении использования рабочей силы на заводах НКТП». Было установлено, «что использование рабочей силы и трудовая дисциплина на заводах НКТП находятся в неудовлетворительном состоянии. Вследствие заболеваемости, текучести кадров и прогулов, на заводах ежедневно не выходят на работу 10% всех рабочих. Особенно большие потери по этим причинам на ЧКЗ (в среднем ежедневно не выходят на работу 3500 чел.), на заводе №183 (3000 чел.), на УЗТМ (2900 чел.). Несмотря на помощь, оказанную заводам в получении 20000 рабочих, ушли с заводов по разным причинам более 15000 чел., причем убыль рабочих из месяца в месяц росла (ЧКЗ, УЗТМ, №183, №76). Одной из причин текучести рабочей силы, прогулов и других нарушений трудовой дисциплины является отсутствие необходимой «заботы со стороны директоров заводов» о создании нормальных бытовых и жилищных условий для рабочих».⁵¹

Жилищно-коммунальные отделы заводских управлений ввиду тяжести военного времени нередко работали неудовлетворительно, общежития содержались грязными, рабочие не полностью обеспечивались постельными принадлежностями, не производилась своевременная замена и стирка белья, санитарная обработка проводилась нерегулярно, места общего пользования содержались зачастую в антисанитарных условиях. План жилищного строительства по НКТП в течение I кв. 1943 г. выполнялся неудовлетворительно: по ЧКЗ – 36%, УЗТМ – 34%, заводу №183 – 30%, заводу №76 – 7%.⁵² Такая ситуация объясняется дефицитом экономики военного времени, нехваткой ресурсов у предприятий НКТП и общим тяжелым военно-стратегическим положением СССР, особенно в 1942 г.

К концу 1944 г. руководству государства и НКТП пришлось признать тот факт, что репрессивные действия не возымели должного эффекта. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно вернувшимся на эти предприятия» лучшее тому доказательство [4, с. 311]. Фактически этот указ об амнистии являлся признанием неспособности добиться выполнения своих директив. В этом случае амнистия воспринималась партийно-государственным аппаратом, как способ остановить бегство и заставить рабочих вернуться на производство. Однако этот указ не остановил часть людей и «дезертирство» продолжалось.

Жесткая система администрирования военного времени, основанная на трудовой мобилизации и прикреплении людей к заводам часто помимо их воли, в условиях необустроенного быта способствовала возрастанию социальной напряженности.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ То же. Л. 13.

⁵¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 36. Л. 344-347.

⁵² ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 36. Л. 344-347.

«Текучесть» кадров приобрела угрожающие масштабы. Самовольный уход с завода квалифицировался как «трудовое» дезертирство, однако меры административного воздействия не могли остановить процесс размывания кадровой базы танковой промышленности, а их жесткость и неотвратимость были ослаблены чрезвычайными условиями войны. Это заставило руководство наркома принять посильные меры к улучшению жизни людей и, к концу войны, было сделано многое, однако это не решало проблемы до конца. Основная социально-бытовая инфраструктура, а также снабжение промтоварами и продуктами в промышленных городах СССР находилась на балансе предприятий, от размера и значимости которых зависел объем и качество снабжения. Снабжение зависело и от добросовестности работников конкретных хозяйственных служб (таких как ОРСы – отделы рабочего снабжения.) и дирекций отдельных предприятий танкопрома.

Выявленные тенденции ограничивали возможности отрасли в плане создания целостных трудовых коллективов и ограничивали рост качества подготовки рабочей силы в целом, что негативно отражалось на технико-технологическом потенциале танковой индустрии Урала. Такая тенденция сохранилась и после войны, когда условия «чрезвычайщины» военного времени были в основном изжиты, что в дальнейшем привело отрасль к кризису во второй половине 1940-х гг.

Литература

1. Васильев А.Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945 / А.Ф. Васильев. – М.: Наука, 1982. – 279 с.
2. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. / Н. А. Вознесенский. – М.: ОГИЗ, 1948. – 190 с.
3. Гершберг И.Р. Экономическая победа Советского Союза / И.Р. Гершберг. – М.: Госполитиздат, 1945. – 67 с.
4. Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность / А.Ю. Ермолов. – СПб.: Алетейя, 2013. – 408 с.
5. Запарий В.В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы / В.В. Запарий; ред. А.В. Сперанский. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, 2015. – 219 с.
6. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны / А.В. Митрофанова. – М.: Наука, 1971. – 575 с.
7. Устьянцев С.В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX в. Ч.2. Уральский танковый завод №183 – Нижний Тагил: Репринт, 2010. – 351 с.
8. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm, дата обращения: 07.11.2016.